

Представьте себе: вы усердно трудились восемнадцать лет, как говорится, «зимой и летом сидели за книгами». По вашим обычным успехам вы легко могли поступить в лучший университет страны. Но когда выходит результат экзамена — оказывается, что вы вообще не прошли порог и не можете поступить никуда. А в это самое время кто-то другой берёт ваши баллы и спокойно учится в заветном вузе. Разве не больно? Разве не возмутительно?

Вот примерно так себя и чувствовал Пан Ин. Конечно, в нынешнем Хуа-государстве подобного просто не может случиться: отпечатки пальцев, распознавание лиц, экспертиза почерка при поступлении надёжно перекрывают все лазейки.

Развитие технологий дарует нам относительную справедливость. Но в ту эпоху Великой империи Шэн вся система государственных экзаменов целиком зависела от человеческого фактора. Где люди — там и интриги; слишком много было возможностей для манипуляций. И вот беда: Пан Ин стал жертвой покушения!

Узнав правду, Пан Ин решительно подал жалобу. Об этом узнал тайный заказчик — третий принц, Чу-ван. «Неужели такого ничтожного Пан Ина нельзя уладить?» — презрительно молвил принц и, как обычно, решил действовать по принципу «сначала учтивость, потом сила». Но Пан Ин оказался не из тех, кого можно сломить выгодой или угрозами, и началась его бегство.

Он знал, что стоящие за всем этим люди дерзки и беззастенчивы, но даже не предполагал, что они дойдут до полного истребления его рода. Когда он, пройдя сквозь кровавую бурю, наконец вернулся домой, перед ним осталась лишь груда дымящихся развалин и одно письмо, на котором дрожащими буквами было написано всего три слова: «Невеста».

Почему же заговорщики не убили его тогда, чтобы не допустить возрождения мести из пепла? Возможно, просто переоценили себя. Им, видимо, доставляло извращённое удовольствие играть жизнью человека, как игрушкой, держа его в своих ладонях.

Эти слова с Небесного Экрана прогремели по всему дворцу и подтвердили слухи, уже давно ходившие по улицам и переулкам.

Ли Чжао холодно взглянул на экран. Да, если бы Пан Ин был человеком, готовым сдаться ради выгоды, они с ним никогда бы не встретились.

За пределами дворца Пан Ин закрыл глаза и крепко сжал находившийся у него на груди благовонный мешочек. «Скоро... совсем скоро... Подожди ещё немного. Злодеи уже на пути в ад!»

В зале собрания Чу-ван побледнел, а затем, от ярости и страха, его лицо стало багровым. Он рухнул на колени и, указывая на Небесный Экран, закричал:

— Это дьявольские речи, сеющие смуту! Это клевета! Отец-император! Это наверняка

проделки иностранных шпионов, сговорившихся с предателями при дворе! Они подделали Небесный Экран, чтобы подорвать основы государства Шэн, опорочить честь императорского дома и посеять раздор между вами и вашими сыновьями! Позвольте мне лично выступить против этих лжецов! Прошу вас, отец, немедленно расследовать происхождение этого экрана!

— А этот Пан Ин... Я вообще не знаю такого человека! — продолжал он, переходя на рыдания.
— Возможно, какой-то из моих подчинённых имел с ним старую вражду, и тот теперь возненавидел меня! Отец, я искренне ничего не знаю!

Другие принцы с изумлением смотрели на Чу-вана — никто не ожидал от него подобного.

Император пока хранил молчание.

Большинство чиновников-идеалистов, добравшихся до двора из простых семей, глубоко сочувствовали Пан Ину и одновременно испытывали ужас.

— Ваше Величество! — воскликнул академик Ханьлинь, ударяясь лбом о землю. — У меня сердце разрывается! Упорный труд за книгами — вот ступень, по которой поднимается учёный; государственные экзамены — вот путь, которым страна выбирает таланты. А теперь Чу-ван нарушил святость экзаменов, поправ справедливость, а затем и вовсе уничтожил целый род! Это не просто убийство — это удар по самой душе всех учёных Поднебесной!

— Если не провести строжайшее расследование, то рухнут все устои, учёные потеряют веру, и государство перестанет быть государством! Принц, нарушивший закон, должен нести ответственность наравне с простолюдином! У меня осталось лишь это старое тело, скоро я уйду в землю, но умоляю вас, ради блага империи, ради будущего Поднебесной — найдите в себе силы принести жертву и восстановить справедливость!

Ли Чжао не ожидал, что первым выступит именно академик Ханьлинь — тот самый, кто всегда держался с ним сдержанно и даже холодно. Но он понимал: старик принадлежал к партии идеалистов, большинство его учеников были из бедных семей, и его слово олицетворяло голос всех учёных империи.

Министр по делам чиновников тут же возразил:

— Уважаемый академик ошибаетесь. Слова Небесного Экрана — всего лишь одностороннее мнение. Сам Пан Ин сейчас неизвестно где. Мы, конечно, считаем, что это голос из будущего, но откуда будущие люди могут знать о наших делах? Только из исторических хроник, а то и вовсе из фольклорных преданий! Даже официальные хроники теряются со временем, не говоря уже о легендах. Ни одна династия в истории никогда не основывала судебные решения на подобных источниках!

За ним тут же выступил Главный цензор:

— Ваше Величество! Исторические записи имеют свои правила. Хотя словам Небесного Экрана нельзя полностью доверять, их всё же стоит принять во внимание. Мошенничество на экзаменах — величайшее преступление против основ государства! А уж массовое истребление рода — это преступление, вызывающее гнев небес и людей! Теперь об этом знает весь народ. Независимо от того, правда это или нет, необходимо провести полное расследование, чтобы восстановить порядок в управлении и успокоить сердца учёных всей страны!

— Просим Ваше Величество провести расследование и восстановить справедливость! — хором подхватили многие чиновники. Кто из них действительно заботился о народе, кто хотел свергнуть Чу-вана как политического соперника, а кто просто спешил отмежеваться от него — осталось тайной.

Первый министр добавил:

— Ваше Величество, принц ещё молод. Возможно, его ввели в заблуждение недостойные советники, и он совершил ошибку. Но, как верно сказал Главный цензор, это дело уже вышло за рамки семейных раздоров — оно стало делом всей Поднебесной. Если окажется, что всё это ложь, то Небесный Экран потеряет всякое влияние на народ. Но если расследование подтвердит правду... пусть даже принц и не заслуживает высшей кары... всё же наказание должно быть суровым. Возможно, стоит лишить его титула и поместить под стражу в Императорскую палату родословных. Так вы сохраните отцовскую любовь и одновременно дадите народу достойный ответ, продемонстрировав свою беспристрастность. А всех, кто пособничал и подстрекал его, следует казнить без пощады!

Ли Чжао мысленно усмехнулся: «Ну конечно, не зря же его зовут „старой лисой“. Какой такт! Неудивительно, что он так долго держится на посту первого министра — думает только о благе отца-императора». Однако за этой кажущейся объективностью скрывалась ловушка.

Чиновники, связанные с Чу-ваном, сидели как на иголках, обливаясь холодным потом. Если принц падёт, им не избежать кары. Они старались сохранять спокойствие и поддерживали его, называя обвинения клеветой. Другие уже начали обдумывать, как бы поскорее отрезать от себя любую связь с ним, чтобы спасти себя.

Нейтральные чиновники в ужасе осознавали: над империей надвигается мощнейший политический шторм. Они молчали, предпочитая остаться в стороне.

В зале тут же началась суматоха: одни падали на колени, другие умоляли о пощаде, третьи требовали справедливости. Ли Чжао с интересом наблюдал за происходящим: «Какое зрелище! Жаль, что Мин Чжэнь этого не видит — вместе бы прокомментировали».

Лицо императора потемнело. Он долго и пристально посмотрел на Ли Чжао, затем перевёл взгляд на третьего сына, и его голос прозвучал, как лезвие меча:

— Негодный сын! Государственные экзамены — основа империи, а ты осмелился их запятнать! Стража! Отведите Чу-вана в темницу!

— Отец! Я невиновен! Поверьте мне! Это всё подстроил Жуй-ван! Он сговорился с ведьмой с Небесного Экрана, чтобы погубить меня! Именно он! — кричал Чу-ван, пока его уводили.

Ли Чжао тоже мечтал бы связаться с Небесным Экраном — только не для того, чтобы слушать сплетни о себе!

Император больше не обращал на сына внимания.

Обратившись к чиновникам, он произнёс:

— Я сам назначу расследование. Три высших суда проведут проверку. Если кто-то действительно посмел вмешаться в экзамены, причинить вред учёным и терроризировать народ — милосердия не будет!

— Ваше Величество мудр! — хором ответили придворные.

Ли Чжао понимал: эти слова были одновременно предупреждением для Чу-вана и демонстрацией для народа. Теперь, когда правда стала достоянием общественности, народное негодование неизбежно. Если император поступит неправильно, авторитет императорского дома будет подорван. Но если он сразу же накажет принца, это лишь подтвердит позор семьи... Его отец искал способ усмирить народ, не теряя лица. Но Ли Чжао был настроен иначе: он хотел вырезать гниль до самого корня.

В столице, особенно среди тех, кто ранее проваливался на экзаменах, многолетняя обида и унижение вспыхнули с новой силой при одном имени — Пан Ин.

— Вот оно что! Я всегда чувствовал, что в том году со списками что-то не так! — воскликнул один студент в чайхане, ударив по столу так, что чашки зазвенели.

— Несправедливость Пан Ина — это не только его личная трагедия! Это позор для всех нас, выходцев из бедных семей! Если двор не проведёт расследование, где же тогда справедливость?! — подхватил другой, дрожа от возбуждения.

Наступило краткое молчание, затем кто-то тихо, но резко произнёс:

— Но ведь это же принц... Чиновники всегда прикроют своих. Что мы можем сделать, если они решат всё замять?

— А принц чем лучше?! — тут же возразил третий, и в его глазах горел праведный гнев. — Даже сам император, нарушив закон, должен отвечать как простолудин! Если сейчас всё замнут, то закон превратится в насмешку!

— Верно! Мы не можем так оставить! — закричали в толпе. — Надо идти в Министерство юстиции, в Управление цензоров! Подадим коллективную петицию!

Подобные разговоры, словно искры, быстро разнеслись по трактирам, академиям и улицам, сливаясь в единый поток. Долгое время сдерживаемая боль учёных нашла общий выход.

Простые горожане, возможно, мало что понимали в тонкостях экзаменационных интриг и придворных баталлий, но убийство целой семьи — это зло, которое каждый понимает без слов. Оно вызывало в них живейшее сочувствие и гнев.

— Боже правый! У кого угодно можно отнять урожай, но у учёного отнять заслуженный титул, а потом ещё и всю семью вырезать — где же закон?! — причитала старуха на рынке, стуча ногой.

— Если даже учёные дошли до такого, что ждёт нас, простых людей? Нас просто начнут резать, как баранов! — мрачно проговорил кузнец, вытирая пот.

Никто никого не призывал и не организовывал — народный гнев и требования учёных сами собой слились в единый поток. Требования наказать виновных и восстановить честь семьи Пан стали мощной волной общественного мнения, которая накрыла всю столицу.

Чиновники, дежурившие в управах, никогда не видели ничего подобного. Глядя на толпы у ворот и слушая гул тысяч голосов, они бледнели и теряли дар речи.

— Все высокопоставленные чиновники сейчас во дворце... Что нам делать?! — дрожащим голосом спросил один писарь.

— Чего стоите?! — закричал дежурный чиновник. — Скорее седлайте коня и мчитесь во дворец! Немедленно доложить!

С этого момента Пан Ин ослеп от ненависти. Он нашёл заброшенный храм, встал перед покрытой пылью разрушенной статуей Будды и обломком черепицы изрезал себе лицо.

Кровь, смешавшись с холодным потом, стекала по шее. Боль была такой, что он едва не терял сознание, но в голове снова и снова всплывали образы дымящихся руин и того единственного письма с тремя словами «Невеста», где чернила будто расплылись от слёз.

«Теперь-то, наверное, смогу обмануть их высокомерные глаза», — подумал он.

С решимостью, готовой на самоуничтожение, он, словно призрак, вернулся в столицу. Он

планировал: даже если не удастся выявить самого главного заговорщика, он хотя бы убьёт нескольких коррумпированных чиновников, чьи имена значились в списках, и их кровью принесёт жертву душам своей семьи.

Увы, несведущий в истинной природе власти книжник оказался слишком наивен.

Его попытки скрыться в глазах настоящей паутины были просто детской игрой.

За пределами дворца Пан Ин горько подумал: «Да, я был наивен». Он полагал, что шрамы скроют его, но не знал, что за ним уже давно следят, как тени. Возможно, они заметили его ещё у городских ворот, но не спешили — наслаждались зрелищем, как крыса сама бежит в ловушку.

Они наблюдали, как он калечит своё лицо, как, словно крыса в канаве, крадётся по улицам, как с ненавистью смотрит на дома чиновников и разведывает подходы.

В их взглядах читалась жестокая насмешка кошки, играющей с обречённой мышью. И лишь когда он попытался подобраться к особняку одного из чиновников Министерства по делам чиновников, участвовавшего в экзаменационном сговоре, из темноты бесшумно спустились несколько чёрных фигур.

Он отчаянно сопротивлялся, но перед настоящими убийцами его усилия оказались ничтожными. Его с размаху пнули, и он рухнул на землю, как мешок с тряпками. В затуманенном взгляде мелькнул лишь блестящий носок сапога и прозвучало сверху пренебрежительное фырканье — ленивое, сытое, довольное:

— Червь ничтожный, с какой стати тебе ненавидеть?

Затем сапог с силой вдавил в землю его пальцы, сжимавшие комок грязи, и раздался лёгкий хруст костей.

Они даже не удостоили его второго взгляда — просто прошли мимо, будто он был камнем на дороге, который надо отпихнуть ногой.

Вся его ненависть, все планы мести перед лицом абсолютной силы и презрения превратились в жалкое, постыдное зрелище.

Но в ту же ночь, как только он вернулся в столицу, его снова обнаружили. На этот раз

заговорщики, видимо, наскучили игры в кошки-мышки и ударили без промедления. Его пронзили мечом. Ему повезло: сердце у него было смещено вправо, и клинок не задел жизненно важных органов. Ему повезло ещё раз: он упал прямо на дороге, по которой возвращался во владения Святой Предок — и именно там встретил своего будущего благодетеля.

Слова Небесного Экрана заставили Пан Ина заново пережить ту ночь. Холодное лезвие пронзило его спину, мгновенно вытянув из тела всю силу и тепло. Он чувствовал, как жизнь утекает вместе с кровью, пропитывая тонкую одежду.

Зрение начало мутиться, звуки — отдаляться: ветер, стук колотушки ночного сторожа... Он лежал в грязи, вокруг растекалась тёмно-красная лужа. В полусне ему казалось: «Всё кончено...»

Но в этот момент судьба даровала ему решающий поворот.

Мысли Ли Чжао тоже унеслись вслед за словами экрана. Возвращаясь с прогулки вместе с Мин Чжэнем, он ехал в карете, колёса которой глухо стучали по каменным плитам. Остроглазый стражник первым заметил в тени переулочка нечто, почти сливавшееся с темнотой, и странно блестящую тёмную жидкость рядом.

— Ваше Высочество, впереди что-то неладно. Кажется, человек лежит без движения, вокруг кровь, — тихо доложил стражник, положив руку на рукоять меча.

Сидевший в карете Ли Чжао, отдохавший с закрытыми глазами, открыл их:

— Остановитесь. Посмотрим.

Карета замерла. Стражник осторожно приблизился и вскоре вернулся с докладом:

— Ваше Высочество, это молодой человек. Лицо... сильно изуродовано. В груди сквозная рана от меча. Дышит слабо, но жив.

Жив? Сквозная рана? Ли Чжао откинул занавеску и вышел из кареты. Перед ним лежал человек в лохмотьях, с изувеченным лицом, в крови — жалкое зрелище, но ещё державшееся за жизнь. Кто его ранил? Мечь? Или попытка устранить свидетеля?

В этот миг лежавший на земле слабо дёрнулся и издал стон.

Ли Чжао обернулся к Мин Чжэню. Тот кивнул:

— Заберите его. Аккуратно. Постарайтесь, чтобы не умер.

Два стражника профессионально и бережно подняли окровавленное тело и уложили в дальний угол кареты, сделав простейшую перевязку.

Карета снова тронулась в путь — к резиденции Жуй-вана.

Внутри Ли Чжао смотрел на этого едва живого незнакомца. Он не знал, кто он, не знал, какую кровавую месть и какую страшную несправедливость несёт этот человек в своём сердце.

Он просто решил: раз встретил — спаси жизнь.

А Пан Ин, теряя сознание, последним, что почувствовал, была ровная качка кареты, тепло вместо холодной грязи и пристальный, оценивающий взгляд.

Он уже не мог думать, но по инстинкту, собрав последние силы, ещё крепче сжал в ладони пропитанный кровью благовонный мешочек.

<http://bllate.org/book/17167/1606416>